

**А БЫЛ ЛИ ВЛАСТИТЕЛЬ?
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НЕКОТОРЫМИ АСПЕКТАМИ
КАРЬЕРЫ И ПОЛИТИКИ ТРИУМВИРА М. АНТОНИЯ**

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению характера политики и политических целей триумвира М. Антония. Прежде всего отмечается, что он происходил из семьи, не обладавшей ни политическим влиянием, ни связями, члены которой были замешаны в ряде скандалов. До самой смерти Цезаря Антоний был всего лишь исполнителем его распоряжений. После гибели диктатора он стал одним из лидеров цезарианцев, но при этом не имел иной опоры, кроме армии. После битвы при Филиппах он оказался тесно связан с восточными провинциями Римской республики. Несмотря на это главным направлением его политики всегда оставалось западное, хотя после 36 г. до н.э. его зависимость от восточных ресурсов резко усилилась. Однако это не дает оснований говорить о том, что на его деятельность оказала глубокое влияние политическая практика эллинистических монархий. Анализ нумизматических данных – выпусков монет Антония, относящихся ко времени его пребывания на Востоке, надписей в его честь, данных о его религиозной политике свидетельствует, что в общем он оставался в рамках римских политических традиций. Нет никаких серьезных оснований говорить о его «монархизме», он был таким же римским традиционалистом, как и другие лидеры римских политических группировок того времени.

Ключевые слова: Марк Антоний, Цезарь, Октавиан, Клеопатра, нобилитет, цезарианцы, эллинистическая монархия, монетная чеканка, римские политические традиции.

Abstract: The article is devoted to the consideration of the nature of the policy and political goals of the triumvir M. Antony. First of all, it is noted that he came from a family that did not have any political influence, or connections, whose members were involved in a number of scandals. Until Caesar's death, Antony was only the executor of his orders. After the death of the dictator, he became one of the leaders of the Caesarians, but he had no other support than the army. In 42–30 BC. he was closely associated with the eastern provinces of the Roman Republic. Despite this, the main direction of his policy has always remained Western, although after 36 BC. its dependence on eastern resources has increased dramatically. However, this does not give grounds for saying that his activities were deeply influenced by the political practice of Hellenistic monarchies. The analysis of numismatic data - the issues of coins of Antony, relating to his time in the East, inscriptions in his honor, data on his religious policy testifies that in general he remained within the framework of Roman political traditions. There are no serious grounds for talking about his “monarchism”, he was just as a Roman traditionalist as the other leaders of the Roman political groups of the time.

Key words: Mark Antony, Caesar, Octavian, Cleopatra, nobility, political career, Caesarians, Hellenistic monarchy, coinage, Roman political traditions.

Марк Антоний – фигура очень неоднозначная. Неясен уже ответ на вопрос, каковы были его цели в перспективе? Создается полное

впечатление, что водоворот событий закружил его несколько неожиданно для него самого, и он стал «политиком поневоле», если использовать выражение С.Е. Сметарста¹. Его деятельность на протяжении десяти лет тесно связана с Востоком – значит ли это, что он был «*Herrscher des Orients*», как его определяет Г. Бенгтсон², или «*dernier prince de l'Orient Grec*», по определению Ф. Шаму?³ Можем ли мы заявлять, как это делал С.Л. Утченко, что «как исторический деятель Марк Антоний был ... типичным порождением той эпохи, которая уже безвозвратно уходила в прошлое, - эпохи эллинизма»⁴. Но может ли быть «типичным порождением эпохи» человек, который ей не принадлежит? Ведь Антоний сформировался как личность в Риме, где мир эллинизма воспринимался как чуждый и враждебный римским *mores maiorum*? Более того, его происхождение и положение среди римской элиты отнюдь не делали его фигурой первостепенной важности.

Антоний принадлежал к достаточно древнему плебейскому роду, который, тем не менее, долго оставался на периферии римской элиты. Первый Антоний, известный нам из источников, это Т. Антоний Меренда, член второй коллегии децемвиров⁵; затем, в 422 г.⁶, должность военного трибуна с консульской властью занимал Кв. Антоний Меренда, по-видимому, его сын. На протяжении следующих трехсот лет мы знаем всего четверых Антониев, причем никто из них не занимал куркульных магистратур⁷. Первым консулом из рода Антониев был М. Антоний, знаменитый оратор, достигший этой должности в 99 г.⁸ Это был, несомненно, заметный политик своего времени, но преувеличивать его значение не стоит: он не играл самостоятельной роли и достиг консульства только благодаря поддержке Г. Мария, политическим союзником которого был одно время⁹. Еще меньше была роль его сына, М. Антония Критского - вполне заурядного представителя римского нобилитета, ничем не лучше и не хуже других. Чрезвычайное командование на море с таким же успехом могло быть поручено любому из них – и, почти наверняка, каждый действовал бы сходным

¹ *Smethurst S.E.* Marc Antony - reluctant politician // Thought from the Learned Societies of Canada. Toronto, 1960. P. 155-170.

² *Bengtson H.* Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher des Orients. München, 1977.

³ *Chamoux F.* Marc Antoine - dernier prince de l'Orient Grec. P., 1986.

⁴ *Утченко С.Л.* Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 173.

⁵ *Broughton T.R.S.* The Magistrates of the Roman Republic. N. Y., 1951. Vol. 1. P. 46-47+note 1.

⁶ Все даты в статье – до н.э.

⁷ *Broughton T.R.S.* Op. cit. P. 69 (Q. Antonius Merenda), 140-141 (M. Antonius, *magister equitum*), 358 (Q. Antonius, *legatus*), 430 (A. Antonius, *legatus*), 433 (M. Antonius, *tribunus plebis*).

⁸ *Ibid.* Vol. 2. P. 1.

⁹ *Короленков А.В.* Гай Марий и Марк Антоний: от дружбы к вражде // История и историография зарубежного мира в лицах. Самара, 2011. Вып. 10. С. 13-14.

образом¹⁰. Не был влиятельной фигурой и его брат Г. Антоний Гибрида. Более того, репутация этого персонажа была еще более скверной, чем у Антония Критского. В 76 г. он стал жертвой судебного преследования *de repetundis*, причем его обвинителем выступил начинающий свою политическую карьеру Г. Юлий Цезарь (Asc. Tog. 84.16 Clark), а председателем суда – М. Теренций Варрон Лукулл, брат известного полководца¹¹. В 70 г., после восстановления цензуры, он был исключен из сената цензорами Гн. Корнелием Лентулом и Л. Геллием Публиколой¹², так что ему пришлось начинать карьеру заново, и он стал претором 66 г. и консулом 63 г., вместе с Цицероном. Здесь он вновь сильно подмочил свою репутацию – говорили о его участии в замыслах Катилины; если это даже были просто слухи, то фактом остается то, что он крайне пассивно действовал против армии Катилины в Этрурии, передав командование в решающей битве своему легату М. Петрею. Затем последовало проконсульство в Македонии, «прославленное» поражениями от варваров и вымогательствами, за что в 59 г. он вновь попал под суд и был отправлен в изгнание¹³. Таким образом, будущий триумвир не только рано утратил отца, но и не мог ожидать помощи от дяди, карьера которого развивалась от одного скандала к другому, причем против него выступали видные представители правящей элиты.

Показательно и то, что мы практически ничего не знаем о родственных связях Антониев среди нобилитета. Единственный их представитель, о браках которого у нас есть информация, – это М. Антоний Критский. Его первой женой была Нумитория, дочь гражданина Фрегелла, предавшего свой город римлянам в 125 г.¹⁴, а второй – Юлия, дочь Л. Юлия Цезаря, консула 90 г.¹⁵ Безусловно, родство с Цезарями способствовало укреплению положения семьи, однако этот брак не сулил немедленных выгод: оба супруга потеряли своих отцов во время марианского террора, так что их будущее в тот момент выглядело смутным и неопределенным. После смерти Антония Критского Юлия пыталась исправить положение, вступив в брак с П. Корнелием Лентулом Сурой, сулланцем и консулом 71 г.¹⁶ Однако брак этот тоже не принес ожидаемых плодов: в 70 г., после восстановления досулланской конституции, цензоры исключили Лентула Суру из сената (Gell.

¹⁰ Подробное обоснование: Смыков Е.В. Марк Антоний Критский – ординарный человек с неординарными полномочиями // *Studia Historica*. 2012. Вып. XII. С. 105–118.

¹¹ Подробный разбор обстоятельств этого дела см.: Damon C., Mackay Ch.S. On the Prosecution of C. Antonius in 76 B.C. // *Historia*. 1995. Bd. 44/1. P. 37–55.

¹² Об их суровой чистке сената см.: Broughton T.R.S. Op. cit. Vol. 2. P. 126–127, с указанием на источники.

¹³ См. указания на источники: Broughton T.R.S. Op. cit. Vol. 2. P. 165–166 (консульство), 175–176 (разгром катилинариев, проконсульство).

¹⁴ Münzer F. Numitoria (8) // RE. 1937. Bd. 17. Sp. 1406.

¹⁵ *Idem*. Iulia (543) // RE. 1918. Bd. 10. Sp. 892–893.

¹⁶ Консульство это было вполне ординарным, не отмеченным никакими замечательными деяниями. См. источники: Broughton T.R.S. Op. cit. Vol. 2. P. 121.

NA. 5.6; Plut. Cic. 17; Dio Cass. XXXVII.30.4)¹⁷, и ему пришлось вновь начинать карьеру. В 63 г. он стал претором, но был казнен как активный участник заговора Катилины.

Таким образом, вряд ли можно согласиться с тем, что род Антониев играл в политической жизни поздней республики важную роль¹⁸, «стартовый капитал» политической карьеры Антония был достаточно незначительным, и он вряд ли мог претендовать на заметное место, тем более что престиж *gens Antonia* был сильно подорван скандалами, в которые были замешаны ее члены¹⁹. Сколько-нибудь подробный обзор ранней карьеры будущего триумвира не входит здесь в нашу задачу, отметим только, что первые его шаги на общественном поприще были сделаны в компании таких одиозных «возмутителей спокойствия», как Клодий и Курион. Затем он покинул Рим и служил на Востоке под командованием Габиния и в Галлии у Цезаря²⁰. Именно последнее обстоятельство оказалось для него решающим, поскольку Цезарь оказал ему покровительство и начал оказывать активное содействие его политической карьере²¹. В итоге Антоний был избран квестором на 52 г., получил авгурат и был избран плебейским трибуном на 49 г.²² В общем, можно согласиться с М. Деттенхофер: Цезарь полностью руководил Антонием не только в делах войны, но и в политике²³.

В принципе такая же ситуация сохранилась и в годы гражданской войны. Антоний неоднократно выполнял важные поручения Цезаря, но никакой самостоятельной роли не играл, да и не пытался играть. Следует подчеркнуть, что в первую очередь он проявлял себя как военный – активно действовал во время похода на Рим, привел, невзирая на все препятствия, подкрепление Цезарю в Грецию, командовал одним из флангов армии Цезаря в битве при Фарсале. Вместе с тем в делах гражданских он проявлял гораздо меньше способностей и гибкости. Особенно это проявилось в событиях 47 г., когда он энергично и жестко подавил движение должников во главе с П. Кор-

¹⁷ Учитывая одновременное исключение из списка сенаторов Г. Антония Гибриды, это был очень чувствительный удар по положению семьи.

¹⁸ *Ladoń T.* Mark Antony's Forefathers. Comments on the Role of the gens Antonia in the Final Period of the Roman Republic // *Marcus Antonius. History and Tradition* / D. Ślapek, I. Łuc (edd.). Lublin, 2016. P. 144.

¹⁹ *Dettenhofer M.H.* Perdita Iuventus. Zwischen den Generationen von Caesar und Augustus. München, 1992. S. 65.

²⁰ Курион: Cic. Phil. 2.44–46; Plut. Ant. 2.4–5; Клодий: Cic. Phil. 2.48; Plut. Ant. 2.6–7; служба у Габиния: Cic. Phil. 2.48; Plut. Ant. 3; первое пребывание у Цезаря в Галлии: Cic. Phil. 2.48.

²¹ Впрочем, прочные политические связи с Цезарем не только Марка, но и его двух братьев, были закономерны: это был единственный влиятельный родственник, который у них имелся. Поэтому всех трех братьев отличала не только приверженность Цезарю, но и то, что на политической арене они выступали с редкостным единодушием. См. анализ деятельности Антониев с этой точки зрения в старой, но интересной статье: *Hayne L.* The political astuteness of the Antonii // *L'Antiquité Classique*. 1978. T. 47/1. P. 96–105.

²² *Broughton T.R.S.* Op. cit. Vol. 2. P. 236 (questor), 254 (augur), 258 (tribune of plebs).

²³ *Dettenhofer M.H.* Op. cit. S. 71.

неишем Долабеллой, одним из трибунов этого года²⁴. Хотя в данном случае он действовал в соответствии с волей сената, популярности ему это не добавило.

В целом следует признать, что Антоний никогда не входил в круг наиболее доверенных лиц Цезаря, был *amicus Caesaris*, но не был *familiaris Caesaris*²⁵. К числу последних принадлежали, например, Г. Вибий Панса, А. Гирций, Л. Корнелий Бальб, Г. Оппий, Г. Матий и др.²⁶, причём стоит особо отметить, что после убийства Цезаря все они поддержали Октавиана. Антоний же как исполнитель чужих планов, не имеющий никакого отношения к их разработке, оставался фигурой второго плана, и, вероятнее всего, сохранил бы это положение, делая вполне ординарную карьеру, если бы не мартовские иды²⁷.

Время после убийства Цезаря, несомненно, было «звездным часом» Антония. Здесь не место рассматривать все детали политической борьбы в 44–42 гг.²⁸, следует подчеркнуть только несколько моментов. Во-первых, бесспорно, что в борьбе за лидерство в партии цезарианцев Антоний на первых порах переиграл всех своих конкурентов²⁹. Во-вторых, Антоний, несомненно, стремился не просто отомстить за смерть Цезаря, а выступить главным мстителем за него. Но вот с дальнейшим сложнее. Когда говорят, что Антоний сам не прочь был занять освободившееся место Цезаря³⁰, это верно только отчасти. Действительно, что это могло означать на практике? Пожалуй, ничего, кроме лидерства среди цезарианцев. Ведь статус Цезаря оформлялся

²⁴ Broughton T.R.S. Op. cit. Vol. 2. P. 287.

²⁵ См.: Зарциков А.В. *Familiares et amici* в структуре цезарианской партии // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С 136-141.

²⁶ Gelzer M. Caesar. Der Politiker und Staatsmann⁶. Wiesbaden, 1983.S. 253.

²⁷ Попытка К. Велч доказать, что Антоний в 47 г., как и Фульвия и Долабелла, пытались укрепить свое положение, исходя из того, что «Цезарь не вернется, а если вернется – они будут достаточно сильны, чтобы его устранить (they would be too powerful to remove)» (Welch C. Antony, Fulvia, and the Ghost of Clodius in 47 B.C. // G&R². 1995. Vol. 42/2. P. 195), не кажется мне убедительной. Несмотря на ряд интересных частных замечаний, автор, как мне кажется, упускает из вида ряд важных моментов: во-первых, у нас нет никаких прямых свидетельств нелояльности Антония по отношению к Цезарю; во-вторых, даже если допустить какие-то тайные помыслы, Антоний, человек в первую очередь военный, просто не мог строить расчет на таких зыбких основаниях. Мог ли он стать столь могущественным, чтобы устранить с политической сцены Цезаря, опирающегося на свои легионы? И мог ли Антоний не понимать, какой силой являются эти легионы? К тому же, даже если допустить справедливость предположений автора, это не снимает вопроса о поддержке Антония в сенате, без которой любые действия, направленные на захват политического первенства, не имели никакого смысла.

²⁸ Подробный анализ событий см., например, в обстоятельном исследовании: Gotter U. Der Diktator ist Tot! Politik in Rom zwischen den Iden des März und der Begründung des Zweiten Triumvirats. Stuttgart, 1990.

²⁹ Подробнее см.: Ахиев С.Н., Смыков Е.В. «Контролируемый мятеж»: манипулирование толпой в политике Марка Антония в марте – апреле 44 г. до н.э. // Народ и демократия в древности. Доклады российско-германской научной конференции. Ярославль, 2011. С. 200–213.

³⁰ Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа. Саратов, 1987. С. 7.

постепенно, как ряд чрезвычайных полномочий, которые он получал и которые никто не мог унаследовать. Что же касается одной из основных почестей, должности диктатора, то сам же Антоний провел закон, упраздняющий диктатуру на будущее (Cic. Phil. 1.3; App. BC. 3.94; Dio Cass. XLIV.51.2), что еще больше усложняет вопрос о его личных целях.

В общем и целом Антоний сумел использовать год своего консулата для создания себе прочной опоры - легионов, набранных им из ветеранов Цезаря. В то же время отношения с сенатом, центром политической власти, оставались напряженными, и никакие меры, призванные продемонстрировать лояльность к нему, не имели необходимого воздействия³¹. К моменту битвы при Филиппах Антоний был наиболее крупным военным лидером цезарианцев, которому полностью принадлежала заслуга разгрома последней армии Римской республики, и в то же время человеком, не имеющим серьезной политической базы. У него не было влиятельной группировки сторонников вне армии, он не имел прочных связей в кругах нобилитета, да и вообще создается впечатление, что с определенного момента он понял бесперспективность попыток достигнуть прочного компромисса с сенатом и перенес все свое внимание на укрепление своих позиций как военного лидера. Как мне кажется, все действия Антония в это время говорят в пользу того, что он намеревался идти, скорее, по пути Суллы, чем по пути Цезаря: одержав победу над армиями убийц Цезаря, наказав врагов - и восстановить традиционную государственную систему с сохранением своего неформального лидерства в государстве.

Однако после битвы при Филиппах Антоний оказывается сперва вдали от Италии, а в дальнейшем - и фактически изолированным от нее. По заключенному после сражения соглашению с Октавианом он получил в свое ведение урегулирование дел на Востоке, куда отбыл в начале 41 г., после кратковременного пребывания в Греции, имея ближайшей целью сбор денег для уплаты легионам³². Это событие, безусловно, является поворотным пунктом в его биографии, знаменуя начало того пути, который десять лет спустя завершится катастрофой при Акции.

Произошел ли при этом раздел государства и продиктовал ли его условия Антоний? Дальнейшее развитие событий провоцирует положительный ответ на этот вопрос, и такой ответ давался неоднократно.

³¹ К этим мерам, наряду с уже упомянутым уничтожением диктатуры, можно отнести предложение вызвать из Испании Секста Помпея, возместить ему конфискованное имущество и назначить командующим флотом (App. BC. 3.11), лишение народа права избирать великого понтифика (Dio Cass. XLIV.53.7), жестокий разгром движения Аматия-Герофила, за который он удостоился похвалы от самого Цицерона (Cic. Phil. 1.5; Att. 14.8.1; App. BC. 3.6-9).

³² Plut. Ant. 23-24.1. Г. Бенгтсон считал, что он хотел собрать деньги и в Греции, но оставил это намерение, поняв, что в разоренной римскими гражданскими войнами Элладе пожить нечем: *Bengtson H. Op. cit. S. 156.*

но³³, однако, более взвешенным кажется мнение, согласно которому произошло разделение не государства, а первоочередных задач, стоявших перед триумвирами³⁴. На Востоке было возможным сопротивление остатков республиканской армии и ожидалось военные действия против парфян, а Антоний в сравнении со своим коллегой по триумвирату был более опытным полководцем, так что его отправление в район возможных военных действий было вполне естественным³⁵. При этом он явно не намеревался отказываться от участия в делах западной части государства: триумвиры поделили западные провинции, причем Октавиан получил Нумидию³⁶ и Иберию, а Антоний Африку и Галльские провинции; Италия была оставлена под общим управлением (Dio Cass. 48.1.3–2.2)³⁷. Стоит обратить внимание на два момента: во-первых, разделу подверглись западные провинции, о восточных нет и речи – видимо, распределению подверглись те провинции, которые представляли стратегический интерес с точки зрения контроля над Италией. Во-вторых, это распределение явно было в интересах Антония: Галльские провинции были географически ближе к Италии, чем Иберия, а значит, давали больше возможности для оперативного вмешательства в случае необходимости. Как мне кажется, в данном случае свои более сильные в сравнении с Октавианом позиции Антоний употребил не на то, чтобы получить в свое управление Восток, а на то, чтобы обеспечить свои позиции на Западе, который ему предстояло временно покинуть.

Учитывая это, попытаемся рассмотреть действия Антония на Востоке в свете его западных обязательств и интересов. Роковым для его политической репутации оказалось яркое повествование Плутарха, рисующего его пребывание на Востоке как сплошной произвол и развлечений: «...Он отдался во власть прежних страстей и вернулся к привычному образу жизни, наслаждаясь миром и безмятежным покоем, меж тем как Цезарь в Риме выбивался из сил, измученный граж-

³³ См., напр.: *Drumann W.* Op. cit. S. 282; *Jeanmaire H.M.* La politique religieuse d'Antoine et de Cléopâtre // RA. 1924. T. 19. P. 243; *Holmes T.R.* The Architect of the Roman Empire. Oxf., 1928. P. 90; *Smethurst S.E.* Op. cit. P. 160; *Roberts A.* Mark Antony. His life and his time. Worchestershire, 1988. P. 174; *Grant M.* A History of Rome. L., 1978. P. 109; *Cary M.* A history of Rome down to the reign of Constantine. L., 1935. P. 435.

³⁴ См., напр.: *Syme R.* The Roman revolution. Oxf., 1939. P. 206; *Buchheim H.* Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius. Heidelberg, 1960. S. 9-10. Именно так понимал суть соглашения при Филиппах Светоний, писавший: *partitiis post victoriam officiis, cum Antonius Orientem ordinandum, ipse veteranos in Italiam reducendos et municipalibus agris collocandus recepisset* (Suet. Aug. 13.3).

³⁵ *Wallmann P.* Das Abkommen von Philippi: ein Diktat des Antonius? // SO. 1976. Bd. 51. S. 121–129.

³⁶ Под Нумидией в данном случае понимается провинция Africa Nova, образованная Цезарем из восточной половины Нумидийского царства Юбы: *Freybourger M.-L., Roddaz J.-M. (edd.)*. Dion Cassius Histoire Romaine Livres 48 et 49. P., 1994. P. 59.

³⁷ О денежных выплатах, обещанных легионам см. *Freybourger M.-L., Roddaz J.-M.* Op. cit. P. 59. N. 16.

данскими смутами и войной» (Plut. Ant. 24.1–2. Пер. С.П. Маркиша). Пропагандистский характер этого пассажа очевиден. Несмотря на пышные празднества и буйные оргии Антоний достаточно эффективно решал и политические задачи. Из разрозненных свидетельств формируется следующая картина.

Во-первых, он достаточно быстро и без военных действий покончил с республиканцами: остатки их армии сдались ему, причем он помиловал всех, кроме непосредственных участников убийства Цезаря³⁸. Часть прощенных врагов сразу же перешла к нему на службу; некоторые из них, как, например, Кв. Деллий, автор не дошедших до нас мемуаров, в дальнейшем входили в ближайшее окружение триумвира. В данном случае политика Антония, в сущности, являлась продолжением знаменитой *clementia Caesaris* и позволяла Антонию укрепить свою репутацию в ущерб Октавиану, который был далеко не столь милостив.

Еще одной важной стороной деятельности Антония было укрепление системы зависимых от Рима государств. Дион Кассий утверждает, что Антоний в Азии, в некоторые места приезжая сам, а в другие отправляя своих представителей, налагал на города контрибуции и требовал денег за должности (Dio Cass. XLVIII.24.1); Плутарх говорит о том, что после прибытия в Азию цари являлись к его дверям, а царицы соперничали между собой, домогаясь его благосклонности (Plut. Ant. 24.1). Тон этих слов явно негативный, но за ним скрывается тот факт, что Антоний, как в это время, так и позже, сделал ряд распоряжений, менявший персональный состав правителей на престолах зависимых от Рима царств³⁹. Не вдаваясь в детальную оценку каждого случая⁴⁰, подчеркну, что все эти преобразования отвечали интересам стабилизации римского господства на Востоке, и в дальнейшем были в основном сохранены Августом. После реорганизации, проведенной Помпеем, это была вторая масштабная реорганизация подконтрольных территорий.

Важное место в действиях Антония занимал поиск средств для уплаты легионам. Естественно, в первую очередь это бремя ложилось на плечи населения провинций и зависимых царств, которые были и без того разорены в предыдущие годы⁴¹. В целом политика Антония в

³⁸ App. BC. 5.15. Капитуляция республиканцев на Фасосе: App. BC. 4.575; присоединение к Антонию Домиция Агенобарба и его флота: App. BC. 5.231–232; Dio Cass. XLVIII.29.2; Suet. Nero. 3

³⁹ Ирод и Фазаэль в Иудее: Joseph. AJ. 14.324–6; BJ. 1.243–4; Архелай-Сисинна в Каппадокии: App. BC. 5.31; Val. Max. 9.15. ext. 2; Дарий, сын Фарнака, а затем Полемон в Понте: App. BC. 5.319; Strabo 578/12.8.16; Аминта в Галатии: Plut. Ant. 61.3; App. BC.5.319; Dio Cass. XLIX.32.3.

⁴⁰ Политический контекст всех перестановок тщательно проанализирован в работе: *Buchheim H. Op. cit. S. 11–29.*

⁴¹ По приблизительным подсчетам, сделанным Л.С. Ильинской для периода 44–41 годов, за это время ведущие войну республиканцы и цезарианцы выкачали из восточных провинций около 70 тысяч талантов, то есть в 3,5 раза больше суммы, запрошенной в свое время Суллой (*Ильинская Л.С. Роль вос-*

отношении подвластных Риму территорий была вполне традиционной. Главные тяготы контрибуции легли на тех, кто поддерживал республиканцев; отказавшиеся им подчиняться, наоборот, получали милости и привилегии⁴². В этом контексте следует рассматривать и встречу Антония с Клеопатрой. Египет был крупнейшим союзным государством на Востоке, к тому же почти не затронутым римскими гражданскими войнами, на его ресурсы можно было возлагать особые надежды. Рассчитывать на египетскую царицу у Антония были все основания: с одной стороны, ее положение на престоле было довольно непрочным, и ей была необходима серьезная поддержка⁴³; с другой – ее поведение в отношении римлян было далеко не безупречным. Согласно Плутарху, Антоний вызвал ее к себе в Тарс, чтобы она оправдалась от обвинения в помощи Кассию (Ant. 25.2–3). То, что на самом деле Клеопатра отправила легионы Долабелле, а Кассий перехватил их и даже собирался в карательный поход на Египет, чтобы наказать ее за это (Dio Cass. XLVII.30.4; 31.4; App. BC. 3.318–319; 4.256), роли в данном случае не играло. Какова была «цена вопроса» для Клеопатры, мы не знаем; но Антоний позволил ей уничтожить всех врагов, которые находились в римских владениях⁴⁴. Кроме того, возможно, в это же время Клеопатра получила римскую часть Киликии, которая составляла одну провинцию с Кипром⁴⁵.

Зиму 41/40 гг. Антоний провел в Александрии, что давало повод к обвинениям в том, что он потерял голову от страсти к Клеопатре. На самом деле, несмотря на бурные «египетские ночи» триумвира, он не упускал из вида и текущую политику. В Италии начиналась Перуззинская война, в которую он не стал вмешиваться, дав тем самым повод к новым обвинениям. Но дело заключалось в том, что его коллега по триумвирату действовал строго в рамках заключенного после Филипп договора, выступить против него означало бы стать зачинщиком новой гражданской войны, и, как следствие, утратить доверие армии,

точных провинций Рима в период гражданских войн конца республики // Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 224).

⁴² См. обзор материала: *Смыков Е.В.* Марк Антоний и политика *clementia Caesaris* // АМА. 1990. Вып. 7. С. 62–64.

⁴³ *Машкин Н.А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 217–218.

⁴⁴ Арсиноя: Ios. AJ. 15.89; App. BC. 5.34. Серапион: App. BC. 5.35. Самозванец из сирийского города Арада, выдававший себя за Птолемея XIII: App. BC. 5.35. П. Бикнелл выражает сомнение в том, что эти расправы осуществились по наущению Клеопатры, поскольку все они соответствовали также интересам Рима: *Bicknell P.J.* Caesar, Antony, Cleopatra and Cyprus // *Latomus*. 1977. Т. 36/2. Р. 336–338. Его доводы убедительны, но необходимо помнить, что в данном случае желания Клеопатры и римские интересы совпадали. При этом царица должна была понимать, что, если ее поведение вызовет неудовольствие Антония, тот вполне может признать законность притязаний Арсинои на престол. В этом случае стабильность власти в Египте тоже была бы обеспечена, просто царицу звали бы иначе.

⁴⁵ *Hölbl G.* A history of Ptolemaic Empire. L.; N.Y., 2001. P. 241.

чего Антоний желать не мог⁴⁶. Только когда Октавиан первый нарушил договор, захватив легионы умершего Фуфия Калена, а заодно и западные провинции, которые должен был контролировать Антоний (App. BC. 5.213–214; Dio Cass. XLVIII.20.3), наступило время вмешаться в события.

Таким образом, в 41–40 гг. приоритеты Антония находились на Западе, и действовал он как лояльный член триумvirата. Ситуация в этом отношении немногим изменилась и после нового соглашения, заключенного в Брундизии в 40 г. Оно отражало новое соотношение сил в триумvirате, и официально отдавало восточную часть государства под управление Антонию, а западную – Октавиану⁴⁷. Итогом, как известно, было то, что на протяжении следующих лет Антоний достаточно быстро утрачивал, а Октавиан последовательно укреплял, свои позиции в Италии и на Западе. Переломным моментом можно считать 36 г., год неудачного для Антония парфянского похода.

Поход этот был вызван не столько необходимостью военной победы над Парфией⁴⁸, сколько соображениями, связанными с делами на западе. Для восстановления своего положения и укрепления авторитета Антонию нужна была эффектная и эффективная акция, которая вызвала бы огромный рост его популярности – и притом не только в военных кругах. Поскольку план парфянской войны римляне связывали с именем Цезаря⁴⁹, Антоний, одержав над ними победу, предстал бы как подлинный наследник его замыслов и стремлений. Насколько идея этой войны была популярна среди населения Италии⁵⁰, мы не знаем, но слава победителя парфян была бы очень велика в любом случае. Конечно, планировать войну такого же масштаба, как Цезарь, Антоний не мог – она заняла бы слишком много времени, а за спиной у него оставался серьезный противник в лице Октавиана, который, по

⁴⁶ Свою позицию армия выразила предельно четко (Dio Cass. XLVIII.12.1–3; App. BC. 5.87–89), поэтому такое объяснение действий Антония, с небольшими вариациями, является, пожалуй, наиболее распространенным. См., напр.: *Holmes T.R. The Architect...* P. 110; *Tarn W.W., Charlesworth M.P. The Triumvirs // САН. 1934. Vol. 10. P. 41; Huzar E.G. Op. cit. P. 133–134; Buchheim H. Op. cit. S. 31; Парфенов В.Н. Указ. соч. С. 66.*

⁴⁷ *Pelling C. The triumviral period // САН². 1996. Vol. 10. P. 18.*

⁴⁸ Чисто военную проблему решил П. Вентидий, наголову разгромивший армию парфянского царевича Пакора в 38 г. при Гиндаре: *Seaver J.E. Publius Ventidius. Neglected Roman Military Hero // CJ. 1952. Vol. 57/7. P. 275–300; Wylie G.J. P. Ventidius - from “novus homo” to “military hero” // AClass. 1993. Vol. 36. P. 129–141.; Strugnell E. Ventidius’ Parthian war: Rome’s forgotten eastern triumph // AAASH. 2006. Vol. 46. P. 239–252.*

⁴⁹ *Cic. Att. XIII.27.1; 31.3; App. BC. II.110, 11; Dio. Cass. XLIV.46.3 etc.*

⁵⁰ О парфянах как врагах Рима говорит в произведениях этого времени Гораций (Hor. Carm. I.2.51–52; III.6.9–12). Его трактовка парфянской угрозы, несомненно, была вызвана недавним вторжением Пакора в римские провинции, но насколько массовым было негодование на это в Риме сказать невозможно. В Риме и Италии в этот период было более, чем в достатке других проблем, затрагивающих повседневные интересы каждого гражданина, поэтому вряд ли ситуация в отдаленных восточных провинциях могла породить живую реакцию.

мнению Г. Бенгтсона, специально поощрял планы Антония, рассчитывая, что тот увязнет в парфянской войне и тем самым обеспечит ему свободу действий на Западе⁵¹. Финал похода известен – Антоний не только не достиг своих целей, но и понес тяжелые потери при отступлении⁵².

Именно после провала парфянской кампании Антоний совершает большую часть тех поступков, которые дали основания враждебной пропаганде (а вслед за ней и многим историкам) обвинять его в забвении римских интересов. Реальной основой для такого мнения послужило усиление влияния Клеопатры на триумвира. Однако дело тут не только и не столько в страсти, сколько во вполне рациональных расчетах. Тяжелые потери, понесенные во время похода, требовали компенсации, и людской, и материальной. Но ресурсы Запада были надежно перекрыты, и Антоний волей-неволей должен был обратиться к помощи Востока. В этом смысле интересны два факта. Во-первых, нумизматы фиксируют порчу египетской монеты в 35–34 гг.: содержание серебра в ней колеблется между 35 и 45 %, тогда как ранее в правление Клеопатры оно оставалось в среднем на уровне 50 %⁵³. Даже египетские финансы с трудом выдерживали ту нагрузку, которая легла на них, и за которую Антонию приходилось платить политическими уступками.

Во-вторых, изменения происходят в этническом составе армии Антония. Уже достаточно давно О. Кунц на основе данных надписей и папирусов показал, что, начиная с 35 г., Антоний широко практиковал зачисление на воинскую службу жителей восточных провинций, которые получали при поступлении на службу права римского гражданства⁵⁴. По данным легионной чеканки, армия Антония ко времени битвы при Акции насчитывала 30 легионов, накануне парфянского похода в ней было 24 легиона. Учитывая, что 2 легиона были полностью уничтожены, но затем он присоединил к своей армии 3 легиона, ранее принадлежавшие Сексту Помпею, он должен был набрать пять новых легионов⁵⁵. Таким образом, теперь уроженцы Востока составляли не менее шестой части его вооруженных сил. Остается только согласиться с оценкой ситуации, которую в свое время дал Й. Кромайер: «Октавиан своими мероприятиями насильно втиснул Антония в рамки той политики, с которой он позже так решительно боролся и клеймил как измену родине и полнейшее безумие. <...> ...То, что ранее казалось произволом, может быть, и вовсе романтическим капризом и де-

⁵¹ *Bengtson H.* Zum Partherfeldzug des Antonius. München, 1974. S. 14.

⁵² По подсчетам А.Г. Бокщанина, учитывающим потери Антония на всем протяжении кампании, он лишился 42 тыс. чел., то есть около 40 % армии, с которой начал поход: *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. М., 1966. С. 115.

⁵³ *Crawford M.* The Roman republic. Hassocks (Sussex), 1978. P. 171.

⁵⁴ *Kuntz O.* Legionare des Antonius und Augustus aus dem Orient // *JÖAI*. Bd. 25. S. 70-81.

⁵⁵ Расчеты У. Тарна: *Tarn W.W.* Antony's legions // *CIQ*. 1932. Bd. 26. P. 78.

моническим женским влиянием, в действительности было железной необходимостью»⁵⁶.

Стоит присмотреться повнимательнее к тому, в чем обвинял Антония его противник. Сводку упреков Октавиана в его адрес (относящуюся ко времени идеологической подготовки финального столкновения) дает Дион Кассий: «Цезарь обвинял Антония в том, что тот удерживал Египет и все прочее, не получив по жребии, убил Секста (которого сам он, как он заявлял, умышленно отпустил живым), и, обманув, схватив и заковав в цепи армянского царя, навлек на народ римский дурную славу. Он также требовал половину добычи, а помимо прочего попрекал Антония за Клеопатру и прижитых с ней детей, за те дары, которые он им передал, а особенно за то, что он именовал Цезариона этим именем и причислял к семейству Цезаря» (50.1.4–5).

Рассмотрим суть этих претензий. Первая из них явно несостоятельна и носит чисто пропагандистский характер: дела на Востоке официально находились в ведении Антония со времени Брундизийского соглашения, и Египет, наиболее крупное государство в этом регионе, имевшее статус римского союзника, попадал в сферу действия его империя⁵⁷. Требование отдать половину добычи тоже имело пропагандистский характер и было «симметричным» ответом на требование Антония предоставить ему половину легионов, которые Октавиан зачислил в свою армию после победы над Секстом Помпеем и устранения Лепида⁵⁸. Остальные упреки касаются неподобающего поведения Антония. Он ведет себя не по-римски, проявляя чрезмерную жестокость и вероломство, а в частной жизни вступает в неподобающие отношения с чужеземной царицей. В реальности ситуация могла быть не столь однозначной: Клеопатра, вероятнее всего, имела права римского гражданства⁵⁹. Но даже если это и не так, положение дел весьма отличалось от того, которое рисовала октавиановская пропаганда. Недавно вопрос о браке Антония и Клеопатры заново рассмотрела Шейла Эйгер, причем многие ее соображения если не бесспорны, то, во всяком случае, заставляют задуматься над традиционной интерпретацией событий⁶⁰. Прежде всего, она подчеркивает, что сам вопрос о том, находились ли Антоний и Клеопатра в браке друг с другом, не имеет ответа: брак – правовое положение, связанное с общественными отношениями, которые могут существовать и без обязательств, налагаемых законом (*legalities*). То, что Антоний и Клеопатра сожительствовали друг с другом – не отрицал никто и никогда, проблема состоит в том, какова была природа общественного признания

⁵⁶ *Kromayer J.* Kleine Forschungen zur Geschichte des Zweiten Triumvirats. VI. Die Vorgeschichte des Krieges von Actium // *Hermes*. 1898. Bd. 33. S. 68–69.

⁵⁷ *Reinhold M.* From Republic to Principate. An historical commentary on Cassius Dio's Roman History books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta, Georgia, 1988. P. 87.

⁵⁸ *Scott K.* The Political Propaganda of 44–30 B.C. // *Memoirs of the American Academy in Rome*. 1933. Vol. 11. P. 38–39.

⁵⁹ *Roller D.W.* Cleopatra. A Biography. Oxf., 2010. P. 167–168.

⁶⁰ *Ager Sh.* Marriage or Mirage? The Phantom Wedding of Cleopatra and Antony // *Classical Philology*. 2013. Vol. 108/2. P. 139–155.

этих отношений, имела ли место брачная церемония? При этом нужно учитывать и разное отношение к брачным отношениям в Риме, Египте, у эллинистической греко-македонской элиты, так что вопрос о законности брака вовсе теряет смысл⁶¹.

Далее Ш. Эйгер, опираясь на эллинистический материал, пытается отойти от романоцентристской позиции, характерной для предшествующих исследований проблемы. Для нашей темы важно два момента: во-первых, она выступает против возможности брачной церемонии Антония и Клеопатры как таковой – представительница династии Птолемеев не могла согласиться на скромное бракосочетание, а пышное непременно нашло бы отражение в литературной традиции. Собственно говоря, в такой церемонии и необходимости не было, поскольку «ни одна церемония не придавала бы легитимность такому союзу в качестве *iustum*»⁶². Во-вторых, проведенное автором рассмотрение нумизматических материалов, как римских, так и эллинистических, показало, что парное изображение на монете может означать не только брачный союз, но и политическое партнерство⁶³. Таким образом, автор приходит к заключению, что ни политическим интересам Антония в Риме никогда не служил бигамный *iniustum matrimonium*, ни Клеопатра, с династической точки зрения, не нуждалась в официальном бракосочетании с Антонием.

Если рассматривать информацию Диона с учетом этих соображений, то, как мне кажется, речь у него идет именно о частной сфере, а не о «государственной измене»: Антоний обвиняется не столько за связь с Клеопатрой, которую Дион нигде не именует женой Антония, или политические уступки ей, сколько за то, что он признал детей от Клеопатры своими⁶⁴. На этом фоне и смысл упоминания «даров», под которыми понимаются, несомненно, «александрийские дарения», выглядит несколько иначе: порицается не раздача римских территорий сама по себе, а, скорее, то, что такой подарок не подобает подносить детям, тем более прижитым от чужеземки.

Итак, согласно выразительной характеристике Р. Сайма, Октавиану «...было ... необходимо продемонстрировать, что Антоний был «морально» неправ и «морально» агрессором»⁶⁵. Что касается самого

⁶¹ *Ager Sh.* Op. cit. P. 141.

⁶² *Ibid.* P. 142.

⁶³ *Ibid.* P. 147–150. Л. Хорн, обратившаяся к интерпретации монетных портретов Антония и Клеопатры несколькими годами ранее, чем Ш. Эйгер, подчеркивает, что эти монеты отражают роль Клеопатры как главной опоры Антония на Востоке: «Монетам Клеопатры невозможно дать столь простое объяснение как романтическая связь Антония, их следует далее изучать в терминах политической и экономической роли Клеопатры в восточной администрации Антония» (*Horne L. Images and insights: the provincial coinage of Mark Antony // Journal of the Numismatic Association of Australia.* 2008. Vol. 19. P. 91)

⁶⁴ Разумеется, это лишь «довесок» к наиболее важному с точки зрения Октавиана обвинению: Антоний признал Цезариона сыном Цезаря и ввел его в род Юлиев.

⁶⁵ *Syme R.* Op. cit. P. 271.

Антония, то он информировал об «александрийских дарениях» сенат и просил о ратификации своих действий (Dio Cass. XLIX.41.4). Это может служить косвенным свидетельством того, что он не видел в них ничего противоречащего римским интересам или грубо нарушающего римские политические нормы. Чего Антоний не учел – так это обстановки в Риме, которая была уже достаточно накалена в результате октавиановской пропаганды.

Если попытаться оценить «александрийские дарения» вне пропаганды можно констатировать несколько важных моментов. Прежде всего, передача какой-то части римских территорий зависимым правителям не была явлением беспрецедентным. В частности, можно вспомнить, что Кипр, обращенный в провинцию еще в 57 г., в 47 г. был передан Цезарем сначала Арсиное, сестре Клеопатры (Dio Cass. XLII.35.54), а затем – ей самой, но это, насколько нам известно, не вызвало в Риме никаких отрицательных эмоций. Далее, размер дарений, возможно, несколько преувеличен в дошедшей до нас традиции. К. Пеллинг по этому поводу резонно отмечает, что, если бы их размеры соответствовали описаниям Плутарха и Диона, Антоний вряд ли стремился бы сообщить о них в Рим⁶⁶. Наконец, церемония «дарений» вовсе не означала немедленного и безусловного перехода всех этих территорий в руки династии Птолемеев. Пеллинг подчеркивает, что «дарения» были всего лишь жестом⁶⁷; что касается реальной власти, то в провинциях римского народа она и после 34 г. оставалась в руках римских магистратов⁶⁸, и неизвестно, чтобы Клеопатра делала какие-либо попытки заменить их своими людьми.

Итак, материал в общем и целом говорит в пользу того, что Антоний действовал в рамках своего империя, и, несмотря на усиление зависимости от ресурсов Востока после 36 г., его действия ничем кроме масштаба не отличались от действий римского проконсула⁶⁹, причем наиболее важные его решения должны были пройти ратификацию в сенате.

Сказанное выше позволяет несколько иначе посмотреть и на «эллинистическую» составляющую политики Антония. Использование им идей и принципов эллинистической монархии иногда постулируется достаточно категорично⁷⁰, но бесспорно ли это? В принципе, то, что действие Антония можно интерпретировать таким образом, неудивительно, но то же самое можно сказать о любом римском магистрате, который осуществлял свои полномочия на территории бывших эллинистических монархий. Это и понятно: римские магистраты для эл-

⁶⁶ Pelling C.B.R. Commentary // Plutarch. Life of Antony. Cambr., 1988. P. 249. Ср.: Reinhold M. Op. cit. P. 76–77.

⁶⁷ Pelling C.B.R. Commentary... P. 250.

⁶⁸ Так, наместником Сирии в 34–32 гг. был А. Кальпурний Бибул, который и умер, находясь в этой должности (Broughton T.R.S. Op. cit. P. 411, 418), а Л. Пинарий Скавр в 31–30 гг. командовал легионами Антония, расквартированными в Кирене (ibid. P. 422).

⁶⁹ Syte R. Op. cit. P. 271.

⁷⁰ Парфенов В.Н. Указ. соч. С. 118.

линских полисов, ранее подчиненных эллинистическим монархам, всего лишь явились на смену их прежним властителям. Соответственно, смена власти привела к тому, что сложившееся отношение к ее носителям было перенесено на римских магистратов⁷¹. При этом формы, в которых проявлялось почтение к их власти, искреннее или показное, были глубоко чужды политическим традициям Римской республики. В случае с Антонием дело усугублялось тем, что его действия получили искаженное освещение в пропаганде Октавиана и и через нее вошли в античную историческую традицию. Поэтому для оценки того, каково было воздействие эллинистических политических форм на политику Антония, следует обратиться в первую очередь к современным событиям источникам – надписям и монетам Антония.

Монетная чеканка Антония, пожалуй, наиболее традиционна среди чеканок всех протагонистов этого этапа римских гражданских войн. Конечно, на монетах присутствует портрет самого Антония – к тому времени это сделалось уже привычным явлением. Но, в отличие от своих соперников, он не имел, если можно так выразиться, идеологического тыла в виде прославленного предшественника, к имени которого можно было апеллировать. Поэтому если Секст Помпей на монетах усиленно акцентировал свою *pietas* по отношению к отцу, Октавиан делал упор на родство с божественным Цезарем и именовал себя *divi filius*, то Антонию просто нечего было им противопоставить. Легенды его монет содержат его официальную римскую должность, а изображения – набор образов, связанных с саном авгура (*lituus, praeficulum*) (№ 520, 521, 522, 531, 533.2), процветанием (рог изобилия: 516, 520), победами. Из этих последних наиболее выразительны серии, выпущенные в 39–38 гг. – денарий с изображением на реверсе мужской фигуры со скипетром и ветвью в руках⁷². Все это, как мне кажется, может служить свидетельством традиционализма политики Антония. Более того, по наблюдению М. Крофорда, по мере приближения решающей схватки за власть, чеканка Антония делается более однообразной, выразительная символика в ней отсутствует⁷³.

Наиболее интересным с точки зрения символики является редкий тип ауреуса, который выпускался в 38 г. с изображением на реверсе льва, держащего меч в правой лапе и звезды над ним⁷⁴. Это было не первое появление льва на монетах Антония – он уже присутствовал на монетах, выпускавшихся в Лугдунуме в 43 г.⁷⁵ Интерпретации изображения давались разные⁷⁶, при этом, как считается, на некую связь

⁷¹ Подробно вопрос рассматривается в работе: Price S.R.F. *Ritual and power: The Roman imperial cult in Asia Minor*. Cambr., 1987. P. 40–47.

⁷² Возможно, это изображение Юпитера Виктора: Crawford M. *Roman Republican coinage*. Cambr., 1974. Vol. 1. P. 533.

⁷³ Crawford M. *Op. cit.* Vol. 2. P. 743.

⁷⁴ Ibid. Vol. 1. P. 534 (N. 533/1).

⁷⁵ Ibid. P. 499 (N. 489/5–6).

⁷⁶ Напоминание о культе Кибелы: Babelon E. *Description historique et chronologique des monnaies de la république romaine*. P.; Londres, 1885. Vol. 1. P. 169–170; владычество Рима на Востоке: Grueber H.A. *Coins of the Roman Republic*

Антония и львов указывает и нарративная традиция. Цицерон 7 мая 49 г. написал Аттику загадочную фразу: *tu Antoni leones pertimescas cave* (Att. 10.13.1). Эту фразу соотносят с сообщением Плиния о том, что Антоний первым из римлян запряг львов в колесницу после битвы при Фарсале (NH. 8.55) и с рассказом Плутарха о распутном поведении Антония в Италии (Ant. 5–9). При этом странным кажется, что Цицерон, красочно расписывая моральный облик своего врага во второй Филиппике (Phil. 2.57–58), упускает такую колоритную деталь, как запряженные в колесницу львы, хотя именно к этому пассажи восходит рассказ Плутарха, а может быть и Плиния⁷⁷. Я бы осторожно предположил, что здесь могла быть игра слов со стороны великого оратора и/или ошибка переписчиков, сделанная еще в древности. В Филиппике нет речи о львах (*leones*), но зато говорится о сводниках (*lenones*). Может быть, когда Цицерон писал Аттику, он играл созвучием этих слов? Может быть, «львы Марка Антония» – это распутники из его свиты, о которых говорится в Филиппике? Не стали ли здесь и Плиний с Плутархом жертвами неверного понимания слов оратора?

Если вернуться к монетам Антония, то, конечно, восточные культы здесь ни при чем – лев появлялся на монетах Антония до его отправления на Восток. Вряд ли можно говорить и о символике владычества над Востоком – Д. Михель справедливо указывает, что в качестве символов римского могущества в монетной чеканке поздней республики использовались орел, скипетр, кадуцей, рог изобилия, земной шар и т.п. символы⁷⁸. Сама она подчеркивает юбилейный характер выпуска монет 43 г. и считает, что лев в данном случае – это знак зодиака, под которым родился Антоний⁷⁹. Эта интерпретация очень вероятна, но не снимает вопроса о символике монет 38 г., которые юбилейными не являются. Д. Михель пытается вывести их символику из восточных источников, указывая, в частности на вавилонские стелы Александра Великого со львом и звездой, а затем на монеты Митридата Евпатора⁸⁰. Ее аргументация достаточно мотивирована и была бы очень весомой, если бы речь шла о подобной символике на монетах, выпущенных по эллинистическим стандартам. Но в данном случае мы имеем ауреус, римский номинал, адресованный римской аудитории. Поскольку монеты рассматриваются в данном случае как средство пропаганды, необходимо, чтобы их содержание было доступно аудитории, к которой они были обращены. Поэтому закономерен вопрос: имела ли для римлян значение символика, восходящая к Александру и Митридату? Мне кажется, в этом можно усомниться. В

in the British Museum. L., 1910. Vol. 2. P. 506; астрологическая символика: *Michel D. Alexander als Vorbild für Pompeius, Caesar und Marcus Antonius. Archäologische Untersuchungen. Bruxelles, 1967. S. 118–119.*

⁷⁷ О Плутархе: *Pelling C.B.R. Commentary...* P. 137–138. У Плиния обращает на себя внимание то, что он тоже называет в связи с этими поездками любовницу Антония Кифериду.

⁷⁸ *Michel D. Op. cit. S. 121.*

⁷⁹ *Ibid. S. 118–119.*

⁸⁰ *Ibid. S. 122–123.*

любом случае, говорить о каких-то политических тенденциях, опираясь на один монетный тип, который допускает различную интерпретацию, было бы неосторожно. К тому же следует иметь в виду и еще одно: а не является ли этот тип подделкой, на которые XIX век был очень щедр? Монета существовала в одном экземпляре, который был утрачен (похищен из парижской Национальной библиотеки) еще в 1831 г., - можно ли утверждать с полной уверенностью, что она была подлинной? Мне кажется, вопрос этот остается открытым.

Еще один тип, на основании которого некоторые исследователи постулируют наличие у Антония далеко идущих планов, - это ауреус, выпущенный в 34 г., на реверсе которого помещен портрет М. Антония-младшего (Антилла), сына триумвира⁸¹. Случай это беспрецедентный в римской монетной чеканке периода республики, и конечно, требует объяснения. Э. Хьюзар, например, помещает его в контекст борьбы Антония за власть над всей территорией римского государства: «Целью Антония было господство над всей Римской империей, над западом так же, как и над востоком; отделять личные владения на востоке значило бы ограничивать его более значительные притязания. Знаменательно, что он уже назначил себе наследника: Марка Антония, старшего сына от Фульвии... Как Октавиан заявлял притязания на имперское наследие Цезаря, так Антилл, как кажется, предполагался в наследники Антония по контролю над всей империей. Для него, как и для Антония, не было назначено никакой особой территории, только предполагаемое наследование Римской империи»⁸². Однако при таком широком толковании остается недоумение: о каком наследовании могла идти речь? Октавиан, выступавший как наследник Цезаря, был *divi filius*, что хоть как-то могло обосновать его притязания на политическое наследие приемного отца (да и то оформление его власти осуществлялось на протяжении долгого времени, методом проб и ошибок). А какие основания для притязаний на власть, да еще и передачу ее сыну мог выдвинуть Антоний? Поэтому монету с портретом Антилла, скорее, следует рассматривать в контексте происшедшей в том же году реорганизации Востока. Антоний хотел представить своего сына как будущего главу семейства и наследника⁸³, в том числе и наследника восточной клиентелы⁸⁴. Видимо, ему

⁸¹ Crawford M. Op. cit. Vol. 1. P. 538 (N. 541).

⁸² Huzar E. G. Op. cit. P. 197; Парфенов В. Н. Указ. соч. С. 118.

⁸³ Wallmann P. *Triumviri Rei Publicae Constituendae. Untersuchungen zur politischen Propaganda im Zweiten Triumvirat.* Frankfurt-am-Main; Bern; N.Y.; P., 1989. S. 252. При этом вполне вероятно, что главным адресатом этого выпуска являлась армия (Парфенов В. Н. Указ. соч. С. 118. Прим. 30).

⁸⁴ В этом отношении некоторую смысловую параллель можно усмотреть в известном ауреусе, выпущенном через два года, где аверс с портретом Антония и легендой ARMENIA DEVICTA сочетался с изображением Клеопатры на реверсе и упоминанием ее детей в легенде: CLEOPATRAE REGINAE REGUM FILIORUM REGUM (Crawford M. Op. cit. Vol. 1. P. 539 (N. 543)). Возможно, стоит обратить внимание на то, что здесь триумвир представлен без указания на его римскую должность (что довольно редко для его монетных выпусков), но с указанием на победу над Арменией. Не подчеркивает ли это, что его победа

было назначено унаследовать то место, которое пока занимал отец – место римского гаранта стабильности и патрона той политической структуры, которая была учреждена «александрийскими дарениями».

Итак, мы можем констатировать, что в монетной чеканке Антония доминируют римские традиции, и отдельные исключения лишь подтверждают этот вывод. Антоний мало заботится о создании своего имиджа на Востоке, адресуясь почти исключительно к римской аудитории. Однако это только часть общей картины, монеты Антония демонстрируют более сложное отношение к проблеме соотношения западной и восточной части государства. Как показала Л. Хорн, они отражают стремление Антония к интеграции двух частей государства. В частности, на типично римских номиналах (фракции асса, которые чеканили префекты флотов Антония) греческими буквами обозначена их стоимость – явное указание на то, что хождение эти монеты будут иметь в среде, с ними не знакомой. С другой стороны, появление Антония на кистофорах, по мнению автора, свидетельствует не столько о том, что он считал это божество своим покровителем, сколько о его стремлении соединить традиционный тип этой чеканки, включавший дионисийские элементы, с символами своей власти – портретом своим и Октавии, латинской легендой, отражающей его должность⁸⁵.

Обратимся к эпиграфическим свидетельствам. Будучи преемниками властных функций пришедших в упадок эллинистических монархий, в которых получаемые царями почести маскировали новизну единоличного правления и образовывали важный элемент во властных отношениях между подданными и правителями⁸⁶, римляне были автоматически включены и в существующую систему идеологических отношений. Уже Помпей, которого, как кажется, никто и никогда не обвинял в излишних симпатиях к эллинистическим политическим формам, получил от эллинских полисов ряд почетных царских эпитетов. В Митилене на Лесбосе его именовали в разных сочетаниях κτίστης, σωτήρ εὐεργέτης (IG 12.2. № 140–150, 163а, 202); на Делосе – σωτήρ καὶ εὐεργέτης (Syll.³ 749 В); в Солах-Помпейополе в Киликии – κτίστης καὶ πατρῶν (IGR. 3.869). В надписи из окрестностей Кизика он поименован еще более пышно – «спаситель и благодетель народа и всей Азии, страж земли и моря» (σωτήρ καὶ εὐεργέτης τό τε δήμου καὶ τῆς Ἀσίας πάσης ἐπόπιτῆς γῆς τε καὶ θαλάσσης)⁸⁷. Кроме того, в Митиленах имя Помпея было присвоено месяцу⁸⁸ – почести подобного рода редко

является основой царских титулов его детей и пышно, не имеющего аналогов в практике Птолемеев, титула самой Клеопатры?

⁸⁵ *Horne L.* Op. cit. P. 88-90.

⁸⁶ *Price S.R.F.* Op. cit. P. 52.

⁸⁷ *Huslock F.W.* Inscriptions from the Cyzicus District, 1906 // JHS. 1907. Vol. 27. P. 64. N. 7.

⁸⁸ IG 12.2.59: μήνας Πομπηίου. Ср.: *Herbst R.* Mytilene // RE. 1935. Bd. 16. Sp. 1416; *Taylor L.R.* The divinity of Roman emperor. Philadelphia, 1975. P. 39; *Michel D.* Op. cit. S. 50.

оказывались даже царям⁸⁹. При этом в надписях из западных провинций ничего подобного нет – Помпей именуется строго в соответствии с римскими традициями⁹⁰.

В случае с Антонием, несмотря на то, что его вмешательство в восточные дела было не менее активным, чем у Помпея, да и пробыл он на Востоке почти втрое дольше, ничего подобного нет – надписи единичны, и никакой пышной титулатуры не содержат. Конечно, частично это можно объяснить тем, что он подвергся *damnatio memoriae*, однако практически полное исчезновение почетных надписей кажется весьма маловероятным. Скорее, их просто не было – взаимное отчуждение Антония и мира греко-эллинистических полисов было гораздо большим, чем у Помпея или Цезаря.

В связи с «эллинистическими» тенденциями в политике Антония стоит сказать несколько слов и о его «дионисийской политике». И.С. Свенцицкая считает ее вызовом римским традициям, который на эллинистическом Востоке стал естественным для Антония, все дальше уходящего от представлений и этических норм его родной *civitas*⁹¹.

Однако, во-первых, как я постарался показать выше, степень разрыва Антония с римскими традициями сильно преувеличена, Запад всегда оставался для него приоритетным направлением политики. Во-вторых, обращение Антония к культуре Диониса на разных этапах его деятельности носит разный характер. Так, дионисийские празднества Антония в Азии в 41 г. были лишь незначительным эпизодом в калейдоскопе событий этого года, и сам Антоний вряд ли придавал им большое значение⁹². Совсем иное дело использование им культуры Диониса во время пребывания в Афинах в 39–38 гг., т.е. в то время, когда даже фигуры второго плана объявляли себя находящимися под особым покровительством божества⁹³. И уж совершенно иные основы имеют грандиозные александрийские торжества 34 г., выразившие масштабную политическую программу, давшие Октавиану повод для пропагандистских атак на Антония, отголосок которых мы находим у Веллея Патеркула, единственного латинского автора, который в общем виде, но с искренним возмущением, упоминает эти события (Vell. 2.82.4).

Возмущение Веллея понятно – поведение Антония не имело прецедентов в Риме; однако для александрийских церемоний следует ис-

⁸⁹ Ср.: «Особой и более редкой почестью царям и царицам было присвоение их имен месяцам календаря» (Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 230).

⁹⁰ Valverde L.A. Incripciones honorificas dedicadas a Pompeyo Magno // *Fa-ventia*. 2001. Vol. 23/1. P. 87–102.

⁹¹ Свенцицкая И.С. Марк Антоний и малоазийские полисы // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 127.

⁹² Ср. комментарий К. Пеллинга к рассказу Плутарха и его вывод: «Кажется, что Антоний не слишком настаивал на этой (с Дионисом – Е.С.) идентификации и возможно даже сам не подстрекал к ней» (Pelling C.B.R. *Commentary...* P. 179).

⁹³ Zanker P. *The Power of Images in the Age of Augustus*. Ann Arbor, 1988. P. 44.

катель не римский, а эллинистический прототип, которым могут служить, например, пышные победные торжества в Александрии, организацией которых славился Птолемей II⁹⁴. Поэтому, оставляя в стороне направленную против Антония пропаганду, весь комплекс событий в Александрии следует рассматривать с точки зрения эллинистической перспективы, обусловленной политическими целями и запросами Клеопатры. Если взглянуть на дело с этих позиций, то окажется, что Антоний, празднуя победу над Арменией, и в мыслях не имел воспроизвести или, тем более, спародировать римский триумф, он просто следовал в русле уже существующих птолемеевских традиций⁹⁵. Как подчеркивал М. Грант, «это искажение было понятным, но все-таки оставалось искажением, поскольку вовсе и не предполагалось, что это будет римский триумф»⁹⁶.

С «дарениями» дело обстояло несколько сложнее. Безусловно, и здесь влияние Клеопатры было очень значительным⁹⁷, но стоит обратить внимание на то, что сам Антоний в данном случае оставался вне эллинистического оформления церемонии. Не случайно, каким бы ни было внешнее оформление этой церемонии (а описание Диона гораздо сдержаннее, чем рассказ Плутарха), наши источники не говорят ничего об одеяниях Антония: учитывая тщательно разработанную символику всего действия, он должен был выступать в качестве римского магистрата. В сущности, в поведении Антония в этом случае не было ничего или почти ничего экстраординарного. Действительно, еще Сулла во время своей каппадокийской миссии восседал между каппадокийским монархом и представителем парфянского царя, демонстрируя тем самым первенство Рима (Plut. Sull. 5.8–11). Оглашение в собрании политических решений тоже имеет определенный прецедент – подобным же образом Цезарь публично выступил примирителем в споре Клеопатры и Птолемея XIII. Кстати, тогда тоже были осуществлены территориальные дарения, причем Цезарь обосновывал свое право вмешиваться в конфликт детей Птолемея Авлета тем фактом, что он является диктатором и в нем воплощена вся власть римского народа (Dio Cass. XLII.35.5: *ἑαυτῷ, δиктаторι ὄντι καὶ πάντων τοῦ δήμου κράτος ἔχοντι*). Положение Антония было аналогичным, только Цезарь был *dic-*

⁹⁴ Об этих церемониях и их значении в политике Птолемея см.: *Heinen H. The Syrian Egyptian Wars and the New Kingdoms of Asia Minor // CAH². 1984. Vol. VII/1. P. 417; Turner E. Ptolemaic Egypt // CAH². 1984. Vol. VII/1. P. 138–139.*

⁹⁵ Оценку действий Антония с этих позиций см. (с некоторыми вариациями в деталях): *Hölbl G. Op. cit. P. 243–44, 291–93; Green P. Alexander to Actium: The historical evolution of the Hellenistic Age. Berkeley; Los Angeles, 1990. P. 675; Grant M. Cleopatra. L., 1972. P. 161; Huzar E.G. Op. cit. P. 182; Roberts A. Op. cit. P. 274–75; Rossi R.F. Marco Antonio nella lotta politica della tarda Republica Romana. Trieste, 1959. P. 114.*

⁹⁶ *Grant M. Cleopatra... P. 162.*

⁹⁷ Детальное рассмотрение значения «александрийских даров» в контексте политики Клеопатры см.: *Strootman R. Queen of Kings: Kleopatra VII and the Donations of Alexandria // Kingdoms and principalities in the Roman Near East / Ed. T. Kaizer, M. Facella. Stuttgart, 2010. P. 140–57.*

tator rei publicae constituendae, а Антоний – назначенный с той же целью триумвир.

Итак, мы можем констатировать: в созданной им системе Антоний не имел никаких регалий, восходящих к эллинистическим традициям. Он не имел божественной атрибутики, хотя иногда ему и приходилось выступать не только в роли земного супруга Клеопатры-Исиды, но и в роли ее небесного супруга, Диониса-Осириса. У нас нет никаких материалов, которые говорили бы в пользу того, что Антоний в Египте и в восточных провинциях получал почести, подобные тем, которые получали восточные цари. Монетная чеканка Антония велась в рамках римских традиций, причем в тех случаях, когда его изображение присутствовало на местных монетах характер изображения не менялся, это был профиль триумвира, выполненный строго в римских традициях. Поэтому говорить о склонности Антония к монархической власти эллинистического типа, мне кажется, особых оснований нет.

Если говорить в общем, то, на мой взгляд, современный историк зачастую оказывается перед соблазном интерпретировать события *ex eventu*. В данном случае, имея конечный результат, установление единоличного правления в римском государстве, мы склонны подводить под него действия личностей, противоборство которых составляет событийную историю тех лет. Но уже достаточно давно Э. Грюэн отметил, что «Цезарь и Помпей ... оба выставляли себя в качестве защитников римских традиций; и то же самое справедливо для лидеров в следующем раунде борьбы: Брута и Кассия, М. Антония и даже Октавиана. Так же обстояло дело и в гражданской войне 80-х»⁹⁸. Безусловно, невозможно одновременно быть защитником римских традиций – и вести себя как некоронованный монарх, даже если это поведение перед лицом чужеземцев. С другой стороны, ориентироваться на чужие и чуждые традиции и при этом рассчитывать на успех в ожесточенной политической борьбе в Риме тоже было бы слишком наивно. Поэтому, как мне кажется, следует различать оценку Антония в контексте римской истории, как одного из действующих лиц кризиса, который сотрясал римское государство, и Антония как римского магистрата, который осуществлял власть на подвластных Риму территориях, выражая римские интересы, остававшиеся неизменными невзирая на смуту. На этом фоне использование им эллинистических политических форм является тактическим приемом, и не более того⁹⁹.

⁹⁸ Gruen E.S. *The Last Generation of the Roman Republic*. Berkeley; Los Angeles; L., 1974. P. 504.

⁹⁹ Я.Ю. Межеричкий в недавно вышедшей книге настаивает на монархизме Антония. С его точки зрения, Антоний – политик, оказавшийся «под сильным идейным влиянием эллинистического монархизма» (Межеричкий Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016. С. 180); он «захотел пойти по стопам Александра Великого, завоевателя Азии» (там же. С. 182), «охотно поддавался влиянию восточных представлений о власти» (там же. С. 184). Авторское видение проблемы достаточно традиционно, но вызывает множество вопросов. Не вдаваясь в детальную полемику, отмечу только несколько моментов. Во-первых, при интерпретации политики Антония очень

Если в свете всего рассмотренного материала оценить роль, которую Марк Антоний сыграл в годы гражданской войны, то, прежде всего, следует отметить, что очень сомнительным выглядит представление, согласно которому он был одним из претендентов на единовластие. Этому противоречит его происхождение, отсутствие влиятельной «группы поддержки» и вся его карьера вплоть до смерти Цезаря. Единовластие Риму еще предстояло выстрадать. Если бы дело происходило во второй половине I в. н.э. – опиравшийся на легионы Антоний, наверное, мог бы претендовать на власть, если бы в III в. н.э., во времена «солдатских императоров», – мог бы наверняка. Но в I в. до н.э. традиции были еще достаточно крепки, и Антонию, не имевшему прочной опоры в среде правящей элиты, рассчитывать было не на что. Конечно, к концу своей деятельности он имел в сенате достаточное количество сторонников, но это ничего не меняло, правила игры определял уже не он.

Тем более Антония нельзя считать носителем какой-либо «эллинистической альтернативы» принципату. Как видно из объективных данных, которыми являются монеты и надписи, относящиеся к деятельности Антония, он проявляет полное равнодушие к политическим формам эллинистической монархии. Все ее внешние атрибуты, получавшие выражение в монетных легендах и изображениях, все почетные эпитеты, которые получали от полисов монархи (а затем и римские полководцы), все это проходит мимо него. Это не значит, что на монетах Антония совершенно отсутствуют символы, в которых можно усмотреть эллинистическое влияние, однако при их интерпретации нужна особая осторожность. Так, М. Крофорд мимоходом приписывает черты Александра портрету Антония на одной из монет¹⁰⁰, но сходство это весьма сомнительно. Изображение Антония реалистично, лишено того пафоса, который стремились придать идеализированному

ощутимо влияние идей Н.А. Машкина. Его работа, безусловно, является этапным трудом в отечественном изучении эпохи Августа, однако с момента ее выхода прошло уже почти семь десятилетий, и многие концептуальные моменты сейчас видятся совершенно иначе. Во-вторых, что еще усугубляет дело, Я.Ю. Межеричкий пользуется трудом Н.А. Машкина при интерпретации нумизматических данных, не проверяя их по современной нумизматической литературе, что уж вовсе недопустимо и иногда ведет к прямым ошибкам. Так, солнце, шар (держава), рог изобилия голословно объявляются символами, которые ассоциировались с восточными монархическими идеями (с. 184) – но обращение к римским монетным выпускам показывает, что эта символика была очень распространена в римской чеканке того времени; на каком-то недоразумении основано и утверждение о том, что уже после битвы при Филиппах изображения Антония увенчивались солнечными лучами, и известен такой же чекан 37 г. (там же) – ни тот, ни другой чекан у М. Крофорда не зафиксирован. В 42 г. была выпущена монета, изображающее солнце с лучами между колоннами храма (*Crawford M. Op. cit. Vol. 1. P. 512. № 496*), а в 38 г. – монета с изображением на реверсе Гелиоса в лучистой короне (*Ibid. P. 534. № 533.2*). Естественно, что использование нумизматического материала с таким небрежным отношением к нему способно только скомпрометировать любую идею.

¹⁰⁰ *Crawford M. Op. cit. Vol. 2. P. 743* (монета – *Vol. 1. P. 537. № 539*).

портрету Александра. Отметим, например, жесткий прямой угол между линиями шеи и подбородка – у Александра обычно это плавная линия, напоминающая тупой угол с закругленной вершиной; суровый взгляд триумвира направлен прямо вперед, линия носа как бы склоняет голову к низу, подбородок жестко очерчен, его лицо дышит суровостью – обычное направление взгляда Александра слегка вверх, линия носа подчеркивает это направление, переходы между частями лица плавные; наконец, прическа Антония лишена анастолэ – одного из главных отличительных признаков портретов Александра. Кроме того, говоря об эллинистической символике, следует иметь в виду и ее относительный вес в чеканке Антония. Даже если отдельные элементы являются безоговорочно эллинистическими (а доказать это сложно, если возможно вообще), их в любом случае будет слишком мало, чтобы говорить о серьезном влиянии эллинистической концепции царской власти на Антония. Попутно отметим, что, как показал печальный опыт Калигулы, Нерона, Элагабала, идущие с Востока монархические традиции были неприемлемы для римлян даже тогда, когда они смирились с самим принципом единоличной власти.

Так все-таки, был ли «властитель»? Как мне кажется, такая постановка вопроса не вполне справедлива. Конечно, в исторической перспективе Рим встал на путь, который завершится установлением Домината. Однако в конкретных условиях второй половины I в. до н.э. любой претендент на неприкрытое единоличное господство был обречен. Все сражались за «восстановление государства» – и все обвиняли друг друга в стремлении к единовластию. Антоний был такой же, как все, и по своим базовым установкам мало отличался от Помпея или Октавиана. Что изменилось бы, если бы победил Антоний? Да, пожалуй, никаких принципиальных изменений бы не произошло, раздел государства на две половины является чистой игрой ума, фантазией современных исследователей. Может быть, в силу темперамента Антония, какое-то время еще продолжались бы конфликты в среде элиты, скорее всего, оформившаяся единоличная власть в конце концов приобрела формы, отличные от принципата. Но формы эти точно так же имели бы римские корни – и на какое-то время обеспечили социальный и политический компромисс в обществе.

Литература:

- Ахиев С.Н., Смыков Е.В. «Контролируемый мятеж»: манипулирование толпой в политике Марка Антония в марте – апреле 44 г. до н.э. // Народ и демократия в древности. Доклады российско-германской научной конференции. Ярославль, 2011. С. 200–213.
- Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
- Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.
- Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. М., 1966. Ч. 2.
- Зарицков А.В. *Familiares et amici* в структуре цезарианской партии // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 136–141.
- Ильинская Л.С. Роль восточных провинций Рима в период гражданских войн конца республики // Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 208–224.

- Короленков А.В. Гай Марий и Марк Антоний: от дружбы к вражде // История и историография зарубежного мира в лицах. Самара, 2011. Вып. 10. С. 12–22.
- Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949.
- Межеруцкий Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016.
- Парфенов В.Н. От Цезаря до Августа. Саратов, 1987.
- Свенцицкая И.С. Марк Антоний и малоазийские полисы // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 119–134.
- Смыков Е.В. Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония) // АМА. 2002. Вып. 11. С. 80–106.
- Смыков Е.В. Марк Антоний и политика *clementia Caesaris* // АМА. 1990. Вып. 7. С. 56–65.
- Смыков Е.В. Марк Антоний Критский – ординарный человек с неординарными полномочиями // *Studia Historica*. XII. 2012. С. 105–118.
- Утченко С.А. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.
- Утченко С.А. Политические учения древнего Рима. III-I вв. до н.э. М., 1977.
- Ager Sh. Marriage or Mirage? The Phantom Wedding of Cleopatra and Antony // *CIPh*. 2013. Vol. 108/2. P. 139–155.
- Babelon E. Description historique et chronologique des monnaies de la république romaine. P.; Londres, 1885. Vol. 1.
- Bengtson H. Zum Partherfeldzug des Antonius. München, 1974.
- Bengtson H. Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher des Orients. München, 1977.
- Bicknell P.J. Caesar, Antony, Cleopatra and Cyprus // *Latomus*. 1977. T. 36/2. P. 325–342.
- Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. N.Y., 1951. Vol. 1–2.
- Buchheim H. Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius. Heidelberg, 1960.
- Cary M. A history of Rome down to the reign of Constantine. L., 1935.
- Chamoux F. Marc Antoine - dernier prince de l'Orient Grec. P., 1986.
- Crawford M. Roman Republican coinage. Cambr., 1974. Vol. I–II.
- Crawford M. The Roman republic. Hassocks (Sussex), 1978.
- Damon C., Mackay Ch.S. On the Prosecution of C. Antonius in 76 B.C. // *Historia*. 1995. Bd. 44/1. P. 37–55.
- Dettenhofer M.H. Perdita Iuventus. Zwischen den Generationen von Caesar und Augustus. München, 1992.
- Fischer R.A. Fulvia und Octavia. Die beiden Ehefrauen des Marcus Antonius in den politischen Kämpfen der Umbruchszeit zwischen Republik und Prinzipat. B., 1999.
- Freybourger M.-L., Roddaz J.-M. (edd.). Dion Cassius Histoire Romaine Livres 48 et 49. P., 1994.
- Gelzer M. Caesar. Der Politiker und Staatsmann⁶. Wiesbaden, 1983.
- Gotter U. Der Diktator ist Tot! Politik in Rom zwischen den Iden des März und der Begründung des Zweiten Triumvirats. Stuttgart, 1990.
- Grant M. A History of Rome. L., 1978.
- Grant M. Cleopatra. N.Y., 1972.
- Green P. Alexander to Actium: The historical evolution of the Hellenistic Age. Berkeley; Los Angeles, 1990.
- Grueber H.A. Coins of the Roman Republic in the British Museum. L., 1910. Vol. 2.

- Gruen E.S.* The Last Generation of the Roman Republic. Berkeley; Los Angeles; L., 1974.
- Hayne L.* The political astuteness of the Antonii // *L'Antiquité Classique*. 1978. T. 47/1. P. 96–105.
- Heinen H.* The Syrian Egyptian Wars and the New Kingdoms of Asia Minor // *CAH²*. 1984. Vol. VII/1. P. 412–445.
- Heinen H.* Vorstufen und Anfänge des Herrscherkultes in Römischen Ägypten // *ANRW*. 1995. Tl. II. Bd. 18.5. S. 3144–3180.
- Herbst R.* Mytilene // *RE*. 1935. Bd. 16. Sp. 1411–1427.
- Hölbl G.* A history of Ptolemaic Empire. L.; N.Y., 2001.
- Holmes T.R.* The Architect of the Roman Empire. Oxf., 1928. Vol. 1.
- Horne L.* Images and insights: the provincial coinage of Mark Antony // *Journal of the Numismatic Association of Australia*. 2008. Vol. 19. P. 87–92.
- Huslock F.W.* Inscriptions from the Cyzicus District, 1906 // *JHS*. 1907. Vol. 27. P. 61–67.
- Huzar E.G.* Mark Antony. A Biography. Minneapolis, 1978.
- Jeanmaire H.M.* La politique religieuse d'Antoine et de Cléopâtre // *Revue archéologique*. 1924. T. 19. P. 241–261.
- Kienast D.* Augustus: Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 1992.
- Kromayer J.* Kleine Forschungen zur Geschichte des Zweiten Triumvirats. VI. Die Vorgeschichte des Krieges von Actium // *Hermes*. 1898. Bd. 33. S. 1–70.
- Kuntz O.* Legionare des Antonius und Augustus aus dem Orient // *JhÖAI*. Bd. 25. S. 70–81.
- Ladoń T.* Mark Antony's Forefathers. Comments on the Role of the gens Antonia in the Final Period of the Roman Republic // *Marcus Antonius. History and Tradition* / D. Ślapek, I. Luć (eds.). Lublin, 2016. P. 131–146.
- Michel D.* Alexander als Vorbild für Pompeius, Caesar und Marcus Antonius. Archäologische Untersuchungen. Bruxelles, 1967.
- Münzer F.* Iulia (543) // *RE*. 1918. Bd. 10. Sp. 892–893.
- Münzer F.* Numitoria (8) // *RE*. 1937. Bd. 17. Sp. 1406.
- Pelling C.* The triumviral period // *CAH²*. 1996. Vol. 10. P. 1–69.
- Pelling C.B.R.* Commentary // *Plutarch. Life of Antony*. Cambr., 1988.
- Price S.R.F.* Ritual and power: The Roman imperial cult in Asia Minor. Cambr., 1987.
- Reinhold M.* From Republic to Principate. An historical commentary on Cassius Dio's Roman History books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta (Georgia), 1988.
- Roberts A.* Mark Antony. His life and his time. Worchestershire, 1988.
- Roller D.W.* Cleopatra. A Biography. Oxf., 2010.
- Rossi R.F.* Marco Antonio nella lotta politica della tarda Republica Romana. Trieste, 1959.
- Scott K.* The Political Propaganda of 44–30 B.C. // *Memoirs of the American Academy in Rome*. 1933. Vol. 11. P. 7–49.
- Seaver J.E.* Publius Ventidius. Neglected Roman Military Hero // *CJ*. 1952. Vol. 57/7. P. 275–300.
- Smethurst S.E.* Marc Antony – reluctant politician // *Thought from the Learned Societies of Canada*. Toronto, 1960. P. 155–170.
- Strootman R.* Queen of Kings: Kleopatra VII and the Donations of Alexandria // *Kingdoms and principalities in the Roman Near East* / T. Kaizer, M. Facella (eds.). Stuttgart, 2010. P. 140–157.
- Strugnell E.* Ventidius' Parthian war: Rome's forgotten eastern triumph // *AAASH*. 2006. Vol. 46. P. 239–252.
- Syme R.* The Roman revolution. Oxf., 1939.

- Täger F.* Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. Stuttgart, 1960.
- Tarn W.W.* Antony's legions // *ClQ.* 1932. Bd. 26. P. 75–81.
- Tarn W.W., Charlesworth M.P.* The Triumvirs // *CAH.* 1934. Vol. X. P. 31–65.
- Tarn W.W., Charlesworth M.P.* The War of the East against the West // *CAH.* 1934. Vol. X. P. 66–111.
- Taylor L.R.* The divinity of Roman emperor. Philadelphia, 1975.
- Turner E.* Ptolemaic Egypt // *CAH².* 1984. Vol. VII/1. P. 118–174.
- Valverde L.A.* Incripciones honorificas dedicadas a Pompeyo Magno // *Faventia.* 2001. Vol. 23/1. P. 87–102.
- Wallmann P.* Das Abkommen von Philippi: ein Diktat des Antonius? // *SO.* 1976. Bd. 51. S. 121–129.
- Wallmann P.* *Triumviri Rei Publicae Constituendae.* Untersuchungen zur politischen Propaganda im Zweiten Triumvirat. Frankfurt-am-Main; Bern; N.Y.; P., 1989.
- Welch C.* Antony, Fulvia, and the Ghost of Clodius in 47 B.C. // *G&R².* 1995. Vol. 42/2. P. 182–201.
- Wylie G.J.* P. Ventidius – from “novus homo” to “military hero” // *AClass.* 1993. Vol. 36. P. 129–141.
- Zanker P.* The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1988.